

Время выполнения задания – 180 минут

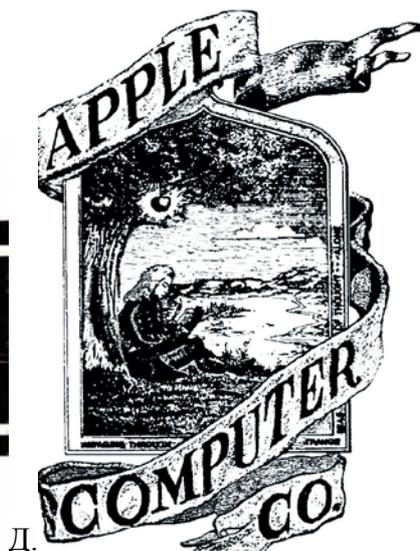
Максимальное количество баллов — 100.

Пишите разборчиво. Кроме ответов на вопросы в работе не должно быть никаких пометок. Если вы не знаете ответа, ставьте прочерк.

1. Задание на аналитическую работу с визуальным материалом (20 баллов).

Ниже даны изображения, пять из них составляют серию.

1. Укажите буквенный шифр этих 5 объектов и дайте название классификации.
2. Обоснуйте в 2-3 предложениях свой выбор.
3. Сформулируйте тезис о функциях и смысле/значении подобных изображений.

2. Задание на критическую работу с публицистическим текстом (30 баллов).

Перед вами фрагмент Нобелевской лекции по литературе, прочитанной Александром Исаевичем Солженицыным в 1972 году через 2 года после присуждения ему Нобелевской премии по литературе. Прочитайте его и ответьте на вопросы после текста.

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть с большим даром, сильнее меня — погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛАГе, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известны, — но сколько не узанных, ни разу публично не названных! и почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустыней. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойдённых дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому тенью павших, и со склонённой головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать *они*? Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы ее понимали словами Владимира Соловьева: но и в цепях должны свершить мы сами Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир. Отчетливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами, и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевеса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, *тою* жизнью проверены, *оттуда* выросли. <...>

Кто прояснит человечеству, что действительно тяжело и невыносимо, а что только поблизости натирает нам кожу, — и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература.

Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему приходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцое земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает опыт, пережитый другими, — и дает усвоить как собственный.

И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает, и на века, когда, кажется, так все наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдуманно и отвергнуто, вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заменитель не пережитого нами опыта — искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить

жизненный опыт от целой нации к целой нации — никогда не пережитый этой второю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории.

<...>

И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущённый опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю — в виде, не поддающемся искажению и обогланию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу. <...>

Каковы ж в этом жестоком, динамичном, взрывном мире на черте его десяти гибелей — место и роль писателя? Уж мы и вовсе не шлем ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презренье у тех, кто уважает одну материальную мощь. Не естественно ли нам тоже отступить, разувериться в неколебимости добра, в недробимости правды и лишь поведывать миру свои горькие сторонние наблюдения, как безнадежно исковеркано человечество, как измельчали люди и как трудно среди них одиноким тонким красивым душам?

Но и этого бегства — нет у нас. Однажды взявшись за *слово*, уже потом никогда не уклониться: писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, — то на ладонях писателя синяки от той веревки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам и хватают заложников, — то перемешивается это зловоние с дыханием писателя. Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира? <...>

Помимо исконных национальных литератур, существовало и в прежние века понятие мировой литературы — как огибающей по вершинам национальных и как совокупности литературных взаимовлияний. Но случалась задержка во времени: читатели и писатели узнавали писателей иноязычных с опозданием, иногда вековым, так что и взаимные влияния опаздывали, и огибающая национальных литературных вершин проступала уже в глазах потомков, не современников.

А сегодня между писателями одной страны и писателями и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близкое к тому, я сам на себе испытываю это. Не напечатанные, увы, на родине, мои книги, несмотря на поспешные и часто дурные переводы, быстро нашли себе отзывчивого мирового читателя. <...>

Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями: перенести сгущенный опыт одних краев в другие так, чтобы перестало у нас двоиться и рябить в глазах, совместились бы деления шкал, и одни народы узнали бы верно и сжато истинную историю других с тою силой узнавания и болевого ощущения, как будто пережили ее сами, — и тем обережены бы были от запоздалых жестоких ошибок. А сами мы при этом, быть может, сумеем развить в себе и *мировое зрение*: центром глаза, как и каждый человек, видя близкое, краями глаза начнем вбирать и то, что делается в остальном мире. И соотнесем, и соблюдем мировые пропорции.

Вопросы:

1. Какие биографические факты А.И. Солженицына упомянуты в тексте? Приведите примеры отсылок к ним. Как можно охарактеризовать отношения искусства и советской власти, в контексте которых проходил творческий путь писателя?

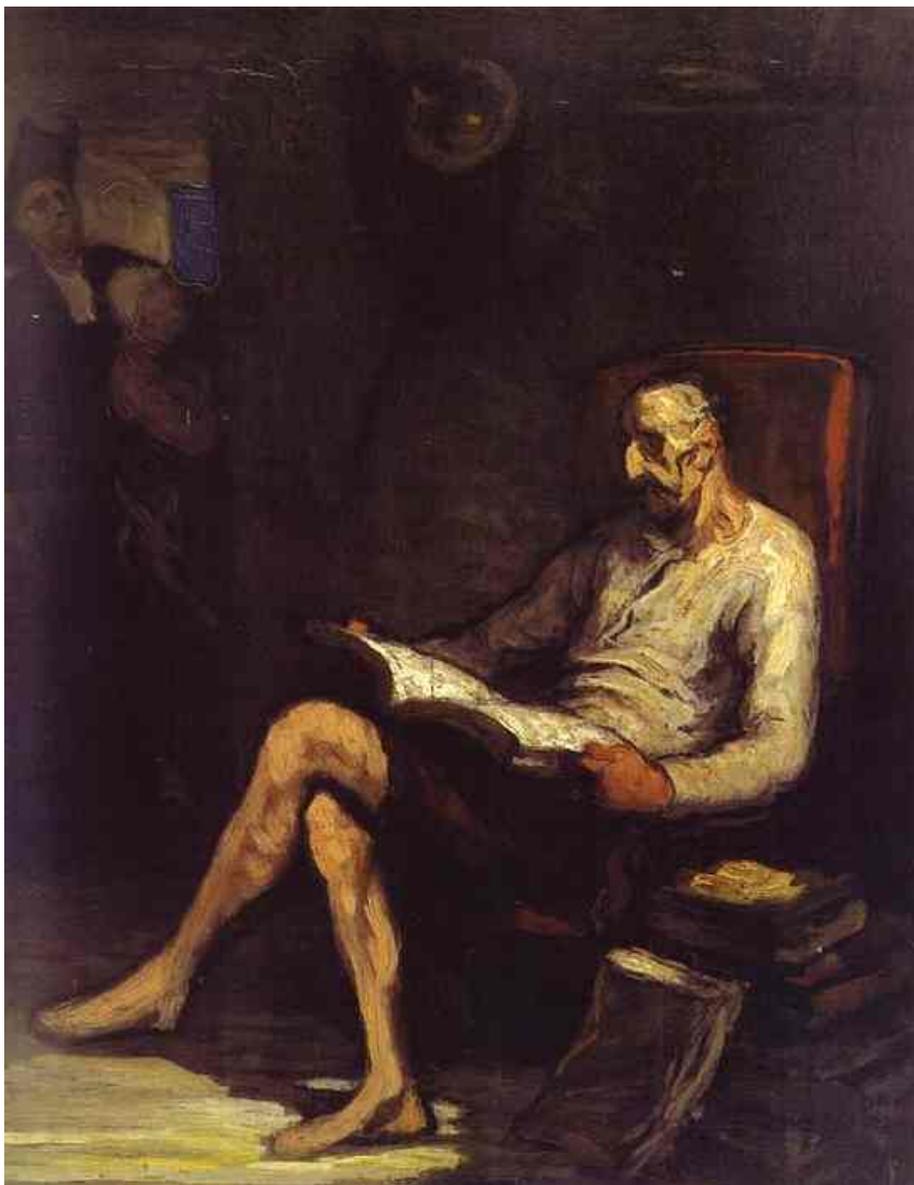
2. Чему А.И. Солженицын противопоставляет искусство и литературу? В чем А.И. Солженицын видит функции литературы? Указывая функции, приведите цитаты из текста. Как связаны писатель и его народ?

3. Как А.И. Солженицын характеризует современную ему мировую литературу по отношению к прошлым периодам? Какой пример в связи с этим он приводит? Возможно ли «мировое зрение» в современной вам культуре в том смысле, который вкладывает в это понятие Солженицын?

3. Выберите и выполните одно из предложенных ниже творческих заданий: А, В или С (50 баллов).

А. Куратор

Ниже представлены три картины. Вы - куратор будущей выставки. Ваша задача концептуально объединить предложенные объекты и написать проект выставки. В проекте необходимо указать общую идею и цель, обозначить актуальность/значимость планируемой выставки; предложить ее название и написать ее краткую аннотацию; продумать тип выставочного пространства, последовательность расположения объектов и способы перемещения в нем посетителей, виды информационной и текстовой поддержки экспозиционного замысла; указать целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

Оноре Домье. Дон Кихот читает (1865-1870). Дерево, масло. 33.6 × 26.0 см. Национальная галерея Виктории, Мельбурн, Австралия.

Николай Крамской. Христос в пустыне (1872). Холст, масло. 180×210 см. Государственная Третьяковская галерея. Москва. РФ.

Михаил Врубель. Демон сидящий (1890). Холст, масло. 114 ×211 см. Государственная Третьяковская галерея. Москва. РФ.

В. Вариант «Режиссер»

Вы современный театральный режиссер и задумали спектакль, в основу которого положено стихотворение Владимира Маяковского «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916). (Текст дан ниже). Напишите концепцию будущего спектакля, чтобы привлечь к Вашему замыслу внимание будущих экспертов, грантодателей, спонсоров, критиков и просто зрителей. В концепции необходимо указать общую идею и цель спектакля, обозначить степень его актуальности/значимости, отразить ключевые историко-культурные установки режиссера; придумать название спектакля, зафиксировать его жанровую принадлежность, написать краткую аннотацию (5 предложений); определиться с содержательными и формальными характеристиками будущего спектакля и техническими аспектами реализации замысла (тип театрального воплощения (драматический театр, театр кукол, «театр художника», балет, опера или мюзикл)? текстовые/визуальные/звуковые/перформативные «расширения» основного текста? число актеров? композиция спектакля? особенности временной и пространственной организации спектакля? тип сценического пространства, декорации и реквизит? и т.д.); описать формы взаимодействия со зрительской аудиторией.

«Себе, любимому, посвящает эти строки автор» В. Маяковский

Четыре.

Тяжелые, как удар.

"Кесарево кесарю - богу богово".

А такому,

как я,

ткнуться куда?

Где мне уготовано логово?

Если бы я был

маленький,

как океан,-

на цыпочки волн встал,

приливом ласкался к луне бы.

Где любимую найти мне,

Такую, как и я?

Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!

Как миллиардер!

Что деньги душе?

Ненасытный вор в ней.

Моих желаний разнузданной орде

не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,

как Дант

или Петрарка!

Душу к одной заечь!

Стихами велеть истлеть ей!

И слова

и любовь моя -

триумфальная арка:

пышно,

бесследно пройдут сквозь нее

любовницы всех столетий.

О, если б был я
тихий,
как гром,-
ныл бы,
дрождю объял бы земли одряхлевший скит.
Я если всей его мощью
выреву голос огромный,-
кометы заломят горящие руки,
бросаясь вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи -
о, если б был я
тусклый, как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

Пройду,
любвищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат -
такой большой
и такой ненужный?

С. Автор идеи/сценарист. Прочитайте рассказ Макса Фрая (Светланы Мартынич) «Про кофе». Выявите культурологическую проблематику этого рассказа и придумайте интерактивное событие, ее отражающее (жанр события выберите сами: это может быть встреча, дискуссия, праздник, фестиваль, акция, флешмоб и т.д.). Зафиксируйте общую идею, цель, актуальность/значимость данного события и ключевые историкокультурные установки его организаторов (зачем оно проводится?); придумайте название события, его возможные тематические «расширения» (эпиграфы, цитаты, аннотация и т.д.), опишите содержательные и формальные характеристики события, технические подробности его реализации и организации (распространенность события во времени и пространстве (где, когда, как долго оно будет проводиться), число и состав участников, формы их взаимодействия, материальное и техническое сопровождение и т.д.), укажите целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

Макс Фрай. Про кофе (2004)

Матушка моя употребляла этот напиток в нечеловеческих количествах, ссылаясь на пониженное давление. «Кофейными» у нас в доме считались двухсотграммовые чашки, в отличие от «нормальных», т. е. полулитровых чайных. Я из семьи великанов, ага.

Лет до восьми мне кофе не давали, даже попробовать ни разу не удалось. И украсть не получалось: холщовый мешок с кофейными зернами и банки с дефицитным растворимым кофе хранились в каких-то недоступных местах, чуть ли не под матрасом родительским. Впрочем, мне и не хотелось. В ту пору меня куда больше интересовали компоты да лимонады. Поэтому моя первая встреча с роковым судьбоносным напитком состоялась вдали от дома, на вражеской, можно сказать, территории, при весьма драматических обстоятельствах.

Дело было так.

Мы учились во втором классе, когда нас впервые повезли «на дружбу». Придется, наверное, объяснить, что это такое, ибо не всем присутствующим довелось

собственноручно оккупировать какую-нибудь разнесчастную соцстрану, а «на дружбу» только детей оккупантов и возили. Так вот, «дружба» – это когда русских школьников грузят после уроков в автобус и везут в немецкую школу, где их уже ждут аутентичные ровесники. Или наоборот: нужно сидеть в классе и ждать, пока привезут кучу незнакомых иностранных детей, и начнется праздник. Это происходило то ли раз в год, то ли дважды, не чаще. Ибо нефиг часто дружить.

Оно, впрочем, и хорошо, потому что мероприятия выходили тягомотные. Самой интересной была короткая финальная часть, когда мы обменивались подарками. Заранее скажу, что обмен выходил неравноценный: мы дарили немецким друзьям октябрятские звездочки (позже – пионерские галстуки) и поделки, специально изготовленные на уроках труда. А они нам – не только значки и галстуки, но и настоящие игрушки, купленные в магазинах за марки. То есть быть русским школьником выходило выгодно. Но в тот раз мы ехали «на дружбу» впервые и не знали, чего ждать. Поэтому ждали, как водится, чуда. По крайней мере, я.

Вместо чуда нас загнали в актовый зал и битый час произносили речи. Потом немецкие школьники показывали самодеятельность – еще часа два. То есть ужасно долго. И все бы ничего, но мне очень хотелось пить. Пить мне захотелось еще в автобусе, но нас в этом смысле воспитывали, как спартанских мальчиков: т. е., если чего-то хочется – пить, или, к примеру, в туалет, – надо терпеть. Потому что, если попросишь, все равно, скорее всего, не дадут, зато попрекать потом долго будут: что ж ты, потерпеть не можешь? А как же Зоя Космодемьянская? То-то и оно, что Зоя.

Поэтому пришлось стиснуть зубы и ждать окончания торжественной части. У меня была хрупкая надежда, что после самодеятельности всех отпустят в туалет, а там вода в кране. Но надежда рухнула: в туалет никого непустили, а сразу повели нас в столовую, где было сервировано угощение. Во рту у меня к тому времени было уже так сухо, словно мы совершили недельный переход через какую-нибудь Великую Пустыню. Но вид накрытых столов вселял бодрость: там стояли не только тарелки с крендельками, но и чашки. И – ура! – чайники. А значит, дадут попить. И значит – жить можно.

И вот уже чашку мою заботливо наполняют до краев горячей жидкостью, я дую, не обращая внимания на запах, и делаю большой, жадный глоток.

О ужас.

Это был не чай, а кофе. Черный. То есть без молока и сахара. Взрослого человека этим не испугаешь, но для восьмилетнего ребенка, который попробовал кофе впервые в жизни, это был серьезный шок. Только память о Зое Космодемьянской помогла мне не выплюнуть горькую гадость на белую крахмальную скатерть. Пришлось срочно заесть кофе крендельком, который, в довершение всех бед, оказался соленым. Это стало последней каплей. Взрослым немецким друзьям все же пришлось отвести меня в туалет, где умирающее дитя выдуло литров пять воды из-под крана, после чего жизнь в очередной раз победила смерть неизвестным Даниилу Хармсу способом.

С тех пор я считаю кофе своим личным врагом и, будучи существом мстительным и злопамятным, делаю все, чтобы его не осталось на земле. Уничтожаю, то есть. Пью с утра до ночи, полулитровыми кружками. Я из семьи великанов, вы не забыли?